

ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

А. Р. ТЮРГО

Избранные философские произведения

М., 1937

ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

(План второго рассуждения)

Выйдем из того хаоса, где душа знает только свои ощущения, где звуки более или менее сильные, более или менее резкие, где температура и сопротивление окружающих предметов, картина причудливых и различно окрашенных фигур, осаждая со всех сторон душу, погружают ее в своего рода опьянение, которое, однако, является зародышем разума.

Способ, посредством которого идеи начинают мало-помалу дифференцироваться и влиять на наши желания, зависит от некоторого духовного механизма, общего для всех людей: он может быть продуктом нескольких мгновений; по крайней мере пример животных, умеющих находить себе пищу и, что кажется еще более трудным, умеющих ее искать вскоре после своего рождения, как будто это доказывает.

Эта эпоха, хотя она и принадлежит к естественной истории скорее, чем к истории социальной, должна, тем не менее, внимательно рассматриваться, ибо первые шаги в любой области определяют направление всего пути.

Движение упорядочило этот хаос; оно дало людям идеи различий и единства. Без него никогда не стали бы размышлять о различии цветов, удовлетворяясь ощущением этого различия. Но порядок частей этой картины, представляющейся душе, изменяет часто саму картину. Душа научается наблюдать эти перемены в их течении. При первых восприятиях этих изменений не умели еще

различать части, сохранившие между собой постоянное положение, как в том случае, когда целое казалось движущимся, например животные, так и тогда, когда оно казалось прикрепленным к одному и тому же месту, например дерево. Поэтому, поскольку образы, представлявшиеся нашим чувствам, были только результатом действия каждой цветовой точки или сопротивления точек, из которых они слагаются, ум их постигал лишь, так сказать, в совокупности.

Первичные индивидуальные идеи, таким образом, неминуемо коллективны по отношению к составляющим их частям; никогда анализ умственной работы человека не мог и не может быть доведен до последней ступени; простых идей, собственно говоря, нет; они все разлагаются на результаты ощущений, элементы и различные причины которых могут быть подвергнуты анализу, но предел последнего мы не знаем.

Анализ первых людей не был особенно глубоким. Массы идей разделялись только по мере того, как разнообразие явлений и в особенности потребностей порождало опыт. Потребности людей относятся только к этим массам; анатомия плодов бесполезна, для того чтобы ими питаться; еще менее полезен анализ идей, говорящих нам об их присутствии.

Идеи являются языком и действительными знаками, с помощью которых мы познаем существование внешних предметов. Не путем рассуждения замечаются отношения, существующие между последними и нами. Провидение, внушая нам желания, мудро берегло нам столь долгий путь. Поэтому люди неизбежно приписывали, свои ощущения внешним предметам, которые они предполагали существующими. Что стало бы с нами, если бы, прежде чем искать себе пищу, нам нужно было бы, на основании своих собственных ощущений, рассматриваемых единственно как наши душевные свойства, заключать о существовании внешних предметов?

Таким образом, названия сначала относились к существующим массам. Идеи, являясь знаками существования внешних предметов, неточно представляют их; издали дуб похож на вяз, и вот получается представление о дереве; не то чтобы я имел идею о дереве, которое не было бы ни дубом, ни вязом, но идея, извещающая меня о существовании дерева, не говорит мне, есть ли оно то или иное. Таково происхождение абстракции. Идея, без сомнения, проста, если

она рассматривается сама по себе, независимо от ее отношений, т. е. когда это всегда известная фигура, всегда известный цвет; но опыт показывает нам, что эта фигура, этот цвет равным образом являются знаками существования вяза или дуба.

Так же обстоит дело и со знаками языка. Первоначально они означали только определенный предмет, но, применяясь ко многим предметам, стали общими. Постепенно стали замечать различные обстоятельства и, чтобы сообщить больше ясности языку, начали давать названия видам и формам бытия, которые по отношению к нашим представлениям являются только отношениями расстояния или, скорее, если можно так выразиться, оттенками ощущений, вызываемых в нас различными языками, на которых предметы нам говорят.

Таким образом, идеи *о видах* получили названия после представлений *о вещах*, которые рассматривались как главные идеи, хотя чувства нам доставляли их одновременно. Таким образом, привлекая знаки языка из их чрезвычайно большой общности, ум постепенно привыкал к наиболее отвлеченным идеям. Понятно, что идеи умножались по мере того, как языки совершенствовались. Слова, выражавшие *утверждение, отрицание, акт суждения, существование, владение*, стали связью всех наших рассуждений. В силу привычки эти самые абстракции применялись в аналогичных случаях ко всем корням языков.

Постепенно давая, таким образом, наименования различным отношениям предметов между собой или их отношениям к нам, мы обеспечивали себе обладание всеми этими идеями, и операции ума приобретали чрезвычайно большую легкость. Но в то же время лабиринт идей все более и более запутывался. Было естественно полагать, что каждому слову соответствует идея, а между тем одни и те же слова редко оказываются тождественными по своему значению: они имеют различный смысл, в зависимости от того, как их применяют; люди догадываются о том, чего не слышат в речи.

Благодаря почти машинальному упражнению, обусловленному связью идей, ум достаточно быстро улавливает смысл слов, определяемый обстоятельствами. Когда существовало предположение, что слова точно соответствуют идеям, то казалось весьма удивительным, что невозможно прийти к соглашению об их точном

определении; долгое время подозревали, что это происходит оттого, что идеи были различны, смотря по тому, как извлекали общую идею из различных частных случаев; запутывались в обманчивых объяснениях, обнимавших только часть предмета, и всякий давал различное определение одной и той же идее.

Сложные понятия о существах, которые ввиду своего отношения к реальным предметам по необходимости заключают в себе большее или меньшее число частей, в зависимости от того, насколько предмет известен, рассматривались как картины самих вещей. Вместо того чтобы исследовать, через какие сочетания дошли до соединения под одним общим именем известного количества видов, следствие, причину которого можно было бы найти в общих сходствах, искали ту общую сущность, которая выражалась именами; придумывали роды, виды, индивиды и *метафизические степени*, природа которых вызвала множество споров, столь же иногда жестоких в своих следствиях, как и легкомысленных по своему предмету.

Вместо того чтобы рассматривать эти имена как знаки, относящиеся к нашему методу наблюдения последовательного порядка существ – к методу, который мы распространяем согласно открываемым нами сходствам и который мы не можем даже слишком расширить без того, чтобы не подвергнуться риску смешать одни сходства с другими, придумывали непередаваемые *отвлеченные сущности*. В последнее время дошли до того, что стали придавать такой же отвлеченный характер понятиям о произведениях человеческого духа, как комедия и трагедия.

Серьезно обсуждался вопрос, принадлежит ли поэма к тому или иному роду, и редко замечали, что спорили только о словах.

Заблуждение было еще больше по отношению к знакам, которыми выражались отношения вещей.

Таковы все моральные идеи, которые рассматривались как имеющие бытие независимо от вещей и имеющие отношения между собой.

* * *

Человек получает свои различные идеи в своем младенчестве, или, вернее, слова запечатлеваются в его неокрепшем уме; они свя-

зываются сначала с частными представлениями; постепенно образовывается нестройное соединение идей и выражений, употреблению которых научаются в силу подражания. Время, благодаря прогрессу языков, умножило идеи до бесконечности, и когда человек хотел разобраться в своем собственном сознании, он оказывался в лабиринте, куда входил с завязанными глазами. Он не может более найти следа своих шагов, между тем его глаза открываются, он видит со всех сторон дороги, пересечение которых ему неизвестно. Он останавливается на некоторых бесспорных истинах, но откуда явилась у него эта уверенность в их истинности? Он познает все только посредством своих идей; ему, таким образом, необходимо было допустить, что его идеи являются сами носительницами достоверности, ибо как мог бы он ее иначе получить, прежде чем не уяснил себе процесса образования этих идей в его уме? А анализ этого процесса представляет собой труд бесконечный и требующий усилий многих поколений.

Не зная достаточно определенно, что значит иметь представление о вещи, он считает принципом, что все то, что его идеи ему говорят о предмете, – истина; принцип соблазнительный, ибо в действительности существует искусство выводить из понятий, даже произвольно определенных, следствия, которые не могут обмануть. Успех в этом случае становится новым источником заблуждения. Принципу придается больше доверия, и им часто злоупотребляют. В силу той же причины – убеждения каждого, что он имеет истинное представление о предмете, отнюдь не пытались отвергать существование верховного судилища, которое может разрешить все сомнения и к которому каждый прибегал лишь в надежде услышать благоприятный о себе приговор. Отсюда неясность логики и метафизики во все времена; отсюда произвольные определения и деления.

Этот мрак мог рассеяться только постепенно; заря разума могла подниматься только по незаметным ступеням, по мере того как люди все более и более стали анализировать свои идеи. Не то чтобы они сначала познали необходимость различать все элементы последних, но сами споры приводили к этому, ибо истина как бы ускользает и скрывается от наших исследований, пока не вскрыются первичные элементы идеи. Ибо, постепенно забегая вперед, чув-

ствуешь за собой незаполнимую пустоту, ибо любопытство побуждает постоянно действовать, пока интересующий его предмет не оказывается исчерпанным, и, наконец, потому, что ни один вопрос не может быть исчерпан, покамест истина не найдена.

Прогресс был более или менее скорым в зависимости от обстоятельств и талантов.

Счастлирое расположение мозговых волокон, большая или меньшая сила или тонкость в органах чувств и памяти, известная степень скорости в кровообращении – вот, вероятно, единственные различия, которые сама природа установила между людьми. Их души, или сила и характер их душ, имеют реальное неравенство, причины которого нам всегда будут неизвестны и никогда не смогут быть предметом наших рассуждений. Все остальное есть продукт воспитания, и это воспитание является результатом всех ощущений, которые мы испытывали, всех идей, которые мы могли приобретать с колыбели. Все предметы, окружающие нас, этому способствуют; наставления наших родителей и учителей играют здесь лишь наименьшую роль.

Примитивные наклонности свойственны одинаково как варварам, так и просвещенным народам; они, вероятно, одинаковы во всех странах и во все времена. Гений распространен в человеческом роде приблизительно как золото в руднике. Чем более вы берете руды, тем более вы добываете из нее металла. Чем более будет в данном месте людей, тем более вы увидите там великих людей или людей, способных стать великими. Случайные обстоятельства воспитания или случайные события развивают их, или оставляют их скрытыми во мраке, или, наконец, умерщвляют их преждевременно, как плоды, сорванные ветром. Приходится признать, что если бы Корнель, выросший в деревне, шел за плугом всю свою жизнь, что если бы Расин родился в Канаде среди гуронов или в Европе в XI в., то они никогда не могли бы проявить своих дарований. Если бы Колумб и Ньютон умерли 15-летними, Америка, может быть, была бы открыта лишь на 200 лет позже и мы не знали бы еще, может быть, истинной системы мира. И если бы Вергилий погиб в младенчестве, мы не имели бы Вергилия, ибо не было двух Вергилиев.

* * *

Прогресс, хотя и неминуемый, перемешивается с частыми упадками благодаря событиям и революциям, прерывающим его, поэтому он был весьма различен у различных народов.

Люди, удаленные друг от друга и не состоявшие между собой ни в каких сношениях, почти одинаково преуспевали. Мы находим в различных концах мира маленькие нации, живущие охотой, стоящие на одинаковом уровне цивилизации, знающие одни и те же искусства, употребляющие одни и те же орудия, отличающиеся одними и теми же нравами. Прimitивные потребности мало благоприятствовали развитию гения. Но коль скоро человеческий род сумел выйти из тесного круга этих примитивных потребностей, обстоятельства, способствующие развитию дарования, комбинированные с обстоятельствами, доставляющими ему факты, опыт, который тысячи других видели бы, не извлекая никакой пользы, – эти обстоятельства тотчас установили некоторое неравенство.

У варварских народов, у которых воспитание почти одинаково для всех, это неравенство не может быть весьма значительным. Когда труд был разделен сообразно дарованиям, что само по себе чрезвычайно полезно, так как все делается тогда лучше и скорее, неравное деление имуществ и общественных должностей сделало то, что наибольшая часть людей, занятая тяжелыми и грубыми работами, не могла поспевать за успехами других людей, которым это распределение давало благоприятные прогрессу досуг и средства. Воспитание устанавливало между различными частями одной и той же нации различие еще большее, чем имущественное неравенство; то же самое сказалось и в международных отношениях.

Народ, приобретший первым некоторые знания, получал вскоре превосходство над своими соседями: каждый успех значительно облегчал ему достижение другого. Таким образом, его поступательное движение ускорялось с каждым днем, между тем как другие народы оставались в своей посредственности, скрепленные частными обстоятельствами, а третьи пребывали в варварском состоянии. Общий взгляд, брошенный на земной шар, открывает нам еще теперь всю историю человеческого рода, показывая следы всех его шагов и памятники всех ступеней, через которые он прошел, начиная от варварства, существующего еще теперь среди амери-

канских народов, до просвещения наиболее цивилизованных народов Европы. Увы! Наши предки и пеласги¹, предшествовавшие грекам, были подобны диким народам Америки!

Причины неравенства цивилизации у народов искали в различии климатов. Это воззрение, немного смягченное и разумно ограниченное, применяясь только к тем влияниям климата, которые всегда неизменны, было недавно принято одним из выдающихся гениальных умов нашего века². Но заключения, выводимые из него, по меньшей мере поспешны и во всяком случае весьма преувеличены; они опровергнуты опытом, ибо в одних и тех же климатах народы различны по своей культуре, и в климатах, чрезвычайно мало сходных, мы очень часто встречаем одни и те же черты характера и одно и то же направление ума. Энтузиазм и деспотизм восточных народов могут иметь своим источником одно только варварство, комбинируемое с известными обстоятельствами; и этот метафорический язык, на который указывается как на следствие большей близости солнца, употреблялся согласно сообщениям Тацита и Диодора из Сицилии древними галлами и германцами и употребляется еще теперь ирокезами, обитающими среди канадских льдов. Он употребляется всеми народами, язык которых весьма ограничен и которые, не имея собственных слов, умножают сравнения, метафоры, намеки, дабы лучше объясниться, что иногда с трудом им удастся, но всегда недостаточно точно и не вполне ясно.

Так как физические причины действуют только на скрытые начала, способствующие формированию нашего ума и нашего характера, а не на результаты, единственно видимые нами, мы вправе оценивать их влияние только после того, как нами исчерпано влияние моральных причин, и мы уверены, что факты совершенно необъяснимы этими причинами, происхождение которых мы понимаем и движение которых мы можем проследить в глубине нашего сердца.

---

¹ Пеласги (греч.) – название древнейшего населения Греции, слившегося позже с ионянами, эолиянами и дорянами. – *Прим. ред.*

² Монтескье. – *Прим. перев.*